

ПОЛИТИКА

Е.С.Чимирис

НЕО-ФОЛК VERSUS РОК

КУЛЬТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СЕРБИИ¹

¹ Автор признателен В.М.Сергееву за критические замечания и плодотворные дискуссии в ходе написания статьи.

Политическую жизнь современной Сербии трудно охарактеризовать иначе как политический хаос. В стране нет сколько-нибудь стабильных политических коалиций, крайне неустойчивы политические институты, очень низок уровень легитимности власти. В чем причина такого положения вещей? Не претендуя на исчерпывающий ответ на этот вопрос, в настоящей статье я попытаюсь показать, что ключ к объяснению происходящего следует искать в культурной неоднородности сербского общества, его специфической многосоставности.

**Особенности
институциональной
структуры
многосоставных
обществ**

Согласно известному определению Гарри Экстайна, многосоставными являются общества, разделенные «сегментарными противоречиями», то есть те, где «политические противоречия в целом совпадают с линиями социальных расколов»² — конфессиональных, языковых, региональных, культурных, расовых, национальных и др. Соответственно, сегментарные противоречия могут иметь самые разные основания, а сама многосоставность носить географически смешанный характер. Именно из такой трактовки многосоставности исходил Аренд Лейпхарт, когда разрабатывал свою концепцию «консоциативной демократии» как формы демократического устройства, способной работать при наличии сегментарных противоречий³. Тем не менее при обсуждении проблем разделенных обществ многосоставность часто имплицитно связывается с компактным территориальным расселением. Не случайно в спорах между исследователями данного феномена доминирует тема сецессии. Вопрос ставится следующим образом: можно ли сгладить конфликты между сегментами многосоставных обществ, или же этим сегментам лучше разделиться, создав самостоятельные государственные образования?

² Eckstein 1966: 34.

³ Lijphart 1977 (русский перевод см. Лейпхарт 1997).

Главный аргумент сторонников второй точки зрения сводится к тому, что в очень многих случаях сецессия — единственная альтернатива острому противостоянию или даже гражданской войне. Сколь бы высокими ни были издержки «развода» между общинами, они не идут ни в какое сравнение с теми, что неизбежны при попытке удержать эти общины в рамках одного государства⁴. Кроме того, утверждается, что раздел многосоставного общества на внутренне гомогенные единицы повысит шансы последних на демократическое развитие⁵.

⁴ Подробнее об аргументации приверженцев концепции «меньшего зла» см. Lijphart 1991.

⁵ Henderson, Lebow, Stroessinger 1974.

⁶ См., напр. Horowitz 1985.

⁷ Habermas 1998.

Обоснованность такой позиции признается, однако, далеко не всеми⁶. Наибольшие сомнения вызывает тезис о том, что результатом сецессии станет формирование однородных и гармоничных единиц. Исторический опыт показывает, что проведение границ между конфликтующими общинами неизбежно ведет к появлению в новых образованиях собственных меньшинств⁷. Иными словами, само по себе разделение гетерогенного государства не решает проблемы многосоставности. Не выдерживает критики и аргумент о «меньшем зле» — «развод» между общинами вполне может обернуться перенесением конфликта с внутригосударственного на межгосударственный уровень и даже спровоцировать этнические, конфессиональные или иные «чистки» в рамках каждой из них.

⁸ Horowitz 1985.

Осознание угроз, сопряженных с вступлением на путь сецессии, заставляет многих авторов сосредоточиться на поиске механизмов, способных нейтрализовать центробежные тенденции. По мнению Дональда Горовица, таким механизмом может стать целенаправленное развитие специфических групповых интересов, реализация которых зависит от сохранения единого государства. Возможность решения этой задачи он связывает с пропорциональной электоральной формулой и закреплением гарантий соблюдения прав всех групп на уровне конституции⁸. По сути дела его идея сводится к тому, что при отсутствии консенсуса в отношении ценностей и идентичности основой государственного единства может выступить консенсус в отношении общих правил и норм.

⁹ Reilly 2001.

В электоральной формуле ищет ключ к решению проблем разделенного общества и Бенжамин Рейли⁹. Будучи убежден, что истоки большинства этих проблем кроются в «правилах игры», заставляющих партии ориентироваться на избирателей своей группы, тем самым способствуя все большей поляризации политического процесса, он предлагает развивать центростремительные тенденции путем введения таких электоральных правил, которые будут стимулировать партии к отказу от узкогрупповой позиции.

Недостаток упомянутых и многих других проектов разрешения или смягчения проблем, связанных с многосоставностью, заключается в том, что все они отталкиваются от модели нации-государства и пытаются найти пути, которые позволили ей эффективно действовать в условиях разделенного общества. Между тем есть основания полагать, что в связи с глубокими структурными отличиями подобного рода обществ от тех, где утвердилась модель нации-государства, последняя в принципе не подходит для многосоставных обществ и обрекает их на нестабильность, будучи не в состоянии обеспечить хоть сколько-нибудь приемлемый уровень легитимности власти.

Чтобы быть легитимной, власть должна предложить гражданам такой набор онтологических и ценностных установок и операциональных практик, который бы совпадал с их собственной картиной мира. Именно здесь и коренится главная проблема многосоставных обществ — каждой группе в идеале необходима такая власть, которая бы

соответствовала их картине мира. Очевидно, однако, что на территории одного государства не могут одновременно действовать несколько параллельных правительств. И решить эту проблему на уровне формальных институтов крайне сложно.

Сравнительный анализ моделей нации-государства и многогосударственного общества показывает, что они принципиально отличаются друг от друга по количеству официальных «картин мира», поддерживающих легитимность политической власти (см. *табл. 1*), что предопределяет глубокие различия в их функционировании.

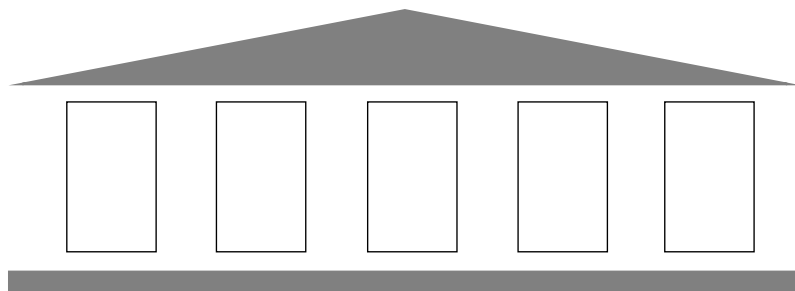
Таблица 1	<i>Основы легитимности</i>	<i>Культура</i>
Нация-государство	Единая официальная система институтов	Одна официальная культура
Многогосударственное общество	Несколько параллельных, полуофициальных систем институтов	Несколько параллельных культур

Модель нации-государства предполагает наличие единой системы государственных институтов как надстройки над обществом. Такая система была создана во многих странах мира, но наиболее показательным с точки зрения анализируемой здесь темы мне кажется случай США. Учитывая историю формирования американского общества, можно было бы предположить, что это общество носит многогосударственный характер. Однако это не так. Хотя в Соединенных Штатах живут представители многих народов, в той или иной степени сохранившие свои культурные особенности (религию, традиции, приемы ведения бизнеса и т.п.), все американцы говорят на одном языке и признают легитимной одну и ту же систему государственных институтов. Чтобы понять, каким образом на столь разнообразном культурном фундаменте может удерживаться единая система операциональных практик, целесообразно рассмотреть ситуацию в терминах публичного и приватного¹⁰. Как это ни парадоксально, но одним из механизмов, обеспечивших устойчивость модели нации-государства в США, видимо, выступали национальные мафиозные группировки как особого рода сетевые структуры со своими порядками, основанными на единой картине мира. Теневой характер этих структур препятствовал выстраиванию ими собственной публичной сферы, и включенные в них представители соответствующих национальных общин жили преимущественно в рамках сферы приватной. Именно отстранение национальных общин от публичной сферы и создало условия для заполнения публичного пространства одной культурой и базирующейся на ней системой институтов¹¹. Визуально мы можем представить себе эту модель в виде «зонтика» из официальной культуры и публичных институтов над совокупностью теневых и полутеневых структур со своими приватными системами ценностей и операциональных практик (см. *рис. 1*).

¹⁰ См. Алексеенкова, Сергеев 2008.

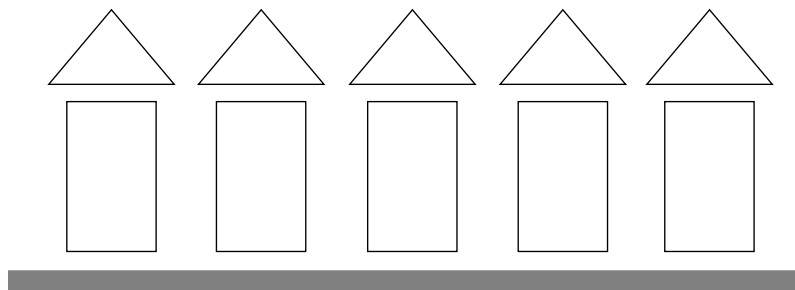
¹¹ Не исключено, что появление в американском обществе элементов многогосударственности, на которое обращают внимание многие исследователи (см., напр. Huntington 1993), связан в том числе и с ослаблением влияния мафиозных структур.

Рисунок 1

Стабильное многосоставное общество — это качественно иная модель. В данном случае мы имеем дело с набором социальных сетей, располагающих не только собственными приватными сферами, но и собственными публичными институтами. Визуально данную модель можно представить в виде нескольких культурных блоков, каждый из которых обладает собственным «зонтиком» из публичных институтов и практик (см. *рис. 2*).

Рисунок 2

В некоторых случаях сети многосоставного общества даже делят между собой экономические ниши, что облегчает их сосуществование на одной территории. Именно так, в частности, обстояло дело в Османской империи, население которой распалось на четыре группы, выделяемые по религиозному признаку (миллеты): мусульмане, православные, армяно-католики и евреи. Мусульмане, превосходившие иноверцев по статусу, могли владеть землей и воевать; земледелие, торговля, ростовщичество были уделом остальных миллетов¹². Яркий пример сосуществования миллетов дают Салоники (до середины XIX в.), где у каждого миллета имелась собственная пожарная служба, рынки и юридическая система. Рост национальных движений во второй половине XIX в., знаменовавший собой начало распада системы миллетов, подорвал и политическое равновесие в Османской империи.

¹² *Glenny 1999.*

Говоря о многосоставных обществах, мы обычно имеем в виду государства, на территории которых живет несколько этнических, языковых или конфессиональных групп. Гораздо сложнее диагностировать многосоставность, когда раскол общества проходит на уровне субкультур. Тем не менее, как показывает опыт Сербии, подобные расколы вполне способны порождать сегментарные противоречия (по Г.Экстайну), а соответственно — и всю совокупность проблем, присущих разделенным обществам.

**Сербия:
субкультурная
многосоставность
как фактор
нестабильности**

«Бульдозерная» революция 5 октября 2000 г., приведшая к падению режима Слободана Милошевича, была лишь последним аккордом в длительном противостоянии власти и оппозиции. Отчетливые симптомы того, что этот режим испытывает серьезные проблемы с легитимностью, появились еще в 1991 г., когда в Сербии прошли массовые выступления против политики Милошевича, для подавления которых были использованы войска. О нарастающей делегитимации власти свидетельствовали и массовые выступления после выборов 1996—1997 гг. в местные органы управления, заставившие власть отступить и признать результаты выборов, на которых победила оппозиция¹³. К 2000 г. делегитимация режима достигла таких масштабов, что его крушение было практически предрешено¹⁴.

¹³ Lazic 1999.

¹⁴ Djukic 2001.

Пришедшие к власти в результате «бульдозерной» революции силы обещали сербскому обществу демократию и процветание. Однако довольно скоро выяснилось, что они не способны поддерживать необходимый для подтверждения своей легитимности уровень политической мобилизации. Назначенные на осень 2002 г. президентские выборы провалились из-за пассивности избирателей, то же самое повторилось на выборах 8 декабря 2002 г. и 16 ноября 2003 г., и только отмена сербским парламентом обязательного 50-процентного порога явки позволила признать состоявшимся выборы июня 2004 г. (в первом туре голосования приняли участие 45% избирателей, во втором — 48%).

Другими словами, мы видим, что вне зависимости от характера стоящих у власти политических элит их легитимность регулярно ставится под сомнение существенной частью сербского общества. Истоки такого положения вещей кроются, на мой взгляд, в самой структуре этого общества, его культурном расколе.

Понять природу данного раскола позволяет анализ приемов, используемых сербскими политиками для мобилизации сил в свою поддержку. И речь в данном случае идет отнюдь не о лозунгах или предвыборных обещаниях, а о музыке. Присмотревшись внимательнее к различного рода политическим кампаниям, проходившим в Сербии начиная с 1990-х годов, можно заметить, что сторонники Милошевича отдавали предпочтение музыкальному стилю, известному как *нео-фолк* и позднее (после коммерциализации) трансформировавшемуся в *турбо-фолк*, тогда как демократическая оппозиция привлекала на свои

митинги любителей *рок-музыки*. На этот феномен еще в 2000 г. обратил внимание Эрик Горди, который указал на тесную корреляцию между музыкальными вкусами и политическими взглядами сербов¹⁵.

¹⁵ Gordy 2000.

Рок-музыка активно развивалась в Югославии еще при Иосипе Броз Тито. В то время столицы югославских республик были культурными центрами, аккумулировавшими в себе все передовые начинания Европы и мира. Как ни парадоксально, но именно тогда «рокеры» чувствовали себя наиболее свободно, у них была широкая аудитория и сеть потребителей производимого ими культурного продукта. Несомненно, что рок всегда ассоциировался с идеологией свободы, бунта, интернационализма. Это была типично *городская культура*.

Период распада Югославии, войн за территории, населенные сербами, выдвинул на первый план совсем иные музыкальные пристрастия. Разрыв связей между столицами югославских республик разрушил рынок рок-музыки. Ее представители ушли в подполье. Вместо этого на музыкальный рынок стали поставляться народные песни и баллады, подвергнутые обработке современными техническими средствами, а также песни времен первой и второй мировых войн. Нео-фолк был отражением преимущественно *сельской культуры*, которая, однако, постепенно пришла и в города. Именно поэтому сложно провести четкую территориальную границу между приверженцами рассматриваемых направлений: деление на городскую и сельскую культуру во многом условно и определяет суть культурного слоя, а не его фактическую территориальную локализацию.

Трудно сказать, насколько осознанным было использование в политических кампаниях определенных музыкальных направлений. Тем не менее нельзя отрицать, что этот шаг был удивительно точным и имел огромный эффект. Политики почувствовали «свою публику». Обращение к символам, содержащимся в соответствующих культурных продуктах, позволило им отделить «своих» от «чужих» и мобилизовать социальные сети на конкретные политические действия. Причины, делающие приверженцев нео(турбо)-фолка «своей группой» Милошевича, а любителей рока — естественной базой демократов, вполне объяснимы.

С.Милошевич изначально сделал ставку на активизацию национальных символов Сербии, на протяжении многих столетий борющейся за свои территории и независимость. В процессе объединения балканских народов Сербия всегда играла лидирующую роль. Именно в недрах сербской общественно-политической мысли зародились проекты по объединению южных славян, и именно на войнах и освободительных восстаниях против иноземного владычества долгое время строилась легитимация политического порядка в стране. Война, выступавшая основным средством защиты национальных интересов сербов, занимает важное место в их коллективной памяти¹⁶, запечатленной прежде всего в сельской культуре, которая, как известно, гораздо более устойчива и инерционна, нежели культура городская. С началом косовских событий эта часть коллективной памяти актуализировалась,

¹⁶ Popov 2000.

¹⁷ Bieber 2002.

обеспечив включение ее носителей в мобилизационный проект Милошевича по поддержанию своего режима¹⁷.

¹⁸ Шарый, Куге 2005: 32.

Культурная среда, в которой проходила политическая социализация лидера сербских демократов Зорана Джинджича, качественно иного рода — это сообщество радикально и свободно мыслящих интеллектуалов, стоящих на интернациональных позициях. Джинджич «был завсегдатаем Студенческого культурного центра, заповедника белградского либерализма начала 1990-х годов, где собиралась продвинутая молодежь и творческие интеллектуалы», и полностью разделял не только идейные, но и культурные установки его членов, даже сугубо внешние (джинсы как форма одежды и сережки в ушах)¹⁸. Именно в силу принадлежности к этой культурной среде новому лидеру удалось мобилизовать студенчество на массовые демонстрации протеста, постепенно переросшие в организованную борьбу с режимом Милошевича¹⁹.

¹⁹ Prosic-Dvornic 1993; 1998.

Таким образом, в культурном отношении сербское общество распадается на две части, достаточно четко и жестко противопоставленные друг другу. С одной стороны, это «городская» интернациональная культура, с другой — «сельская» культура национализма. И этот раскол делает Сербию разделенным обществом, пожалуй, не в меньшей степени, чем этническая неоднородность и даже наличие на ее территории областей компактного проживания этнических меньшинств (помимо Косово, в феврале этого года провозгласившего свою независимость, к ним относятся Санджак, более половины населения которого составляют боснийские мусульмане, и Воеводина, где имеется крупное мажарское меньшинство²⁰).

²⁰ См. Каушуба, Мартынова 1995.

Разумеется, различия между «сельской» и «городской» культурой характерны не только для Сербии. Однако специфика сложившейся в стране ситуации заключается в том, что существовавший в обществе латентный культурный раскол оказался институционализирован и закреплён в партийных институтах. После легализации оппозиции в 1990-е годы «городскую» культуру стала представлять Демократическая партия во главе с бывшим диссидентом Драголюбом Мичуновичем, впоследствии разделившаяся на Демократическую партию (DS) Зорана Джинджича, Демократическую партию Сербии (DSS) Воислава Коштуницы, Либеральную партию Николы Милошевича и Косты Чавошки и Демократический центр Драголюбa Мичуновича; а «сельскую» — Сербская радикальная партия (SRS) Воислава Шешеля, Сербское национальное обновление (SNO) Мирко Йовича и бывшие коммунисты, преобразовавшиеся в Социалистическую партию Сербии, которую возглавил Слободан Милошевич. Получив «политическую надстройку», субкультурные расхождения трансформировались в «сегментарные противоречия».

Проблемы, вставшие перед Сербией в результате такого развития событий, усугубляются тем, что в основу ее институциональной структуры положен принцип «победитель получает все». Иными словами, там существует единая публичная сфера, и политическая победа одной из сторон автоматически ведет к вытеснению другой в сугубо приватную

сферу. Действительно, когда к власти пришел Милошевич, практически все теле- и радиоэфирные каналы оказались заполнены музыкой в стиле нео-фолк, а рок переместился в андеграунд, хотя и не потерял своих приверженцев. То же самое, только с обратным знаком, произошло и после «бульдозерной» революции: с возвращением рока в публичное пространство из него была вытеснена откровенно националистическая культура, сосредоточившаяся в пространстве интернета.

Подобная институциональная структура заведомо обрекает Сербию на нестабильность. Когда в системе с одной публичной сферой сосуществуют несколько противостоящих культур, их борьба за жизненное пространство неизбежна — ведь доступ к публичной сфере означает возможность трансляции своего культурного кода на общество в целом. При этом «побежденная» культура никогда не согласится со своим поражением и не откажется от попыток «свергнуть» культуру доминантную. В свою очередь, это означает, что положение победителей всегда будет непрочным и самое скрупулезное соблюдение демократических норм не сделает их власть легитимной в глазах всего общества.

* * *

Предложенная мною трактовка причин политической нестабильности в Сербии во многом носит характер гипотезы. Однако один из выводов из проведенного выше анализа представляется несомненным: скрытые культурные расколы в обществе не менее опасны, чем расколы этнические и конфессиональные. Между тем, если риски, связанные с игрой на этнических или конфессиональных противоречиях, сегодня хорошо осознаются, то издержки политического использования культурных противоречий пока мало кем принимаются в расчет. Обнаружив, что культурные факторы являются эффективным инструментом мобилизации электоральной (и не только электоральной) поддержки, политики все чаще обращаются к нему, не задумываясь о том, что следствием их действий может стать развитие многосоставности со всем набором сопутствующих ей проблем.

Библиография

- Алексеев** Е.С., **Сергеев** В.М. 2008 Темный колодец власти (О границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // *Полис*. № 3.
- Кашуба** М.С., **Мартынова** М.Ю. 1995. *Новая этнополитическая карта Балкан*. — М.
- Лейпхарт** А. 1997. *Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование*. — М.
- Шарый** А., **Куте** А. 2005. *Молитва за Сербию*. — Прага.
- Bieber** F. 2002. Nationalist Mobilization and the Stories of Serb Suffering. The Kosovo Myth from the 600th Anniversary to the Present // *Rethinking History*. № 1.

- Djukic S.** 2001. *Milosevic and Markovic: A Last for Power.* — L.
- Eckstein H.** 1966. *Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway.* — Princeton.
- Glenny M.** 1999. *The Balkans 1804—1999. Nationalism, War and the Great Powers.* — L.
- Gordy D.** 2000. Eric Turbasi and Rokeri as Windows into Serbia's Social Divide // *Balkanologie.* Vol. 4. № 1.
- Habermas J.** 1998. *The Inclusion of the Others.* — Cambridge.
- Henderson G., Lebow R.N., Stroessinger J.G.** 1974. *Divided Nations in a Divided World.* — N.Y.
- Horowitz D.L.** 1985. *Ethnic Groups in Conflict.* — Berkley.
- Huntington S.P.** 1993. If Not Civilizations, What? Paradigms of the Post-Cold War World // *Foreign Affairs.* Vol. 72. № 5.
- Lazic M.** (ed.) 1999. *Protest in Belgrade. Winter of Discontent.* — Budapest.
- Lijphart A.** 1977. *Democracy in Plural Societies.* — New Haven, L.
- Lijphart A.** 1991. The Power-Sharing Approach // Montville J. (ed.) *Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies.* — N.Y.
- Popov N.** 2000. Traumatology of the Party State // Popov N. (ed.) *The Road to War in Serbia. Trauma and Catharsis.* — Budapest.
- Prosoc-Dvornic M.** 1993. Enough! Student Protest-92. The Youth of Belgrade in Quest of «Another Serbia» // *Anthropology of East Europe Review.* Vol. 11.
- Prosoc-Dvornic M.** 1998. The Topsy Turvy Days were There Again. Student and Civil Protest in Belgrad and Serbia 1996/1997 // *Anthropology of East Europe Review.* Vol. 16.
- Reilly B.** 2001. *Democracy in Divided Societies. Electoral Engineering for Conflict Management.* — Cambridge.
- Serbia's Changing Political Landscape.** 2004. — Belgrade, Brussels.